

Из "Затесей"

Виктор Петрович АСТАФЬЕВ завершил книгу коротких рассказов "Затеси". Затеси - это зарубки на сердце о нашей с вами жизни, о прошлом, о войне... Некоторые из них предлагаем вниманию читателей "АиФ".

Жует, скотина

НА УГЛУ моего палисадника давно еще, при заселении деревенской избы, посадил я золотошар. Но ни разу цветам, поднимающимся над штакетником, не удалось отцвести. Соседи у меня хорошие, трудолюбивые, они держат двух коров. Я беру у них молоко.

Соседские коровы, как только золотошар высунет свои празднично сияющие цветки за штакетник, идя с пастбища, полусонные, с полным выменем, неторопливо сворачивают с дороги и сжевывают цветы. Делают они это неторопливо, словно по обязанности, глядя в какое-то пространство. Сжевав цветы, коровы задирают хвосты, шлепают возле ограды жидкие зеленые лепехи и следуют во двор, заранее для них раскрытый, на дойку, на покой следуют.

ВШЕСТИДЕСЯТЫЕ годы поселился я в уральской деревне Быковке. Возле запущенной, одичалой избы, которую купил я по дешевке, тесно росли, друг друга затеняя и подавляя, черемухи.

В них, в черемухах, жил и каждую весну пел соловей.

Уж так хорошо было сердцу, сладостно от пения этого залетного певуна. Слушать не уставали его обитатели моего домика с вечернего до ночного часа, когда и до утра.

По всей речке Быковке, как бы опоясанной белопенной вилучей лентой, упоительно, взхлеб, подпевали нашему соловью собраты его...

Одной весной не слышно и не слышно нашего подоконного соловья. Я подумал, что чистый слух певца обеспокоили мои частые гости, тоже пробующие запеть по пьяному делу, либо соседская хищница кошка его спугнула. Улетел он вить гнездо в другое место, скорее всего под гору к речке.

Но вот разогрелась весна, пышно и в то же время как бы потаенно в черемухах зацвели посаженные мною тазжные цветы - марьины коренья. Я пошел подивиться на них, благодарно потрогать и погладить их теплой ладонью и увидел в хламe прошлогодних листьев прикрытые сеевом черемушного цвета мокрые, серенькие перышки.

Есть пагубная привычка у нашего соловья: чем-либо встревоженный, испугнутый, он спархивает на землю. Тут его, царя среди певцов, очень скромного видом, поймала и съела кошка. В нем и мяса-то на один жевок...

ГОВОРЯТ и пишут, что французскому королю Людовику, чревоугоднику, готовили блюдо из соловьиных язычков. Пишут, что ради повышения половой потенции повсеместно истребляется самая грациозная, самая беззащитная из ланей - кабарга. Добываемое из ее чрева снадобье, называемое струей, потрафляет похоть сладострастников. Бродягу медведя валят из-за желчи, величайших земных животных - слонов - лупят в грудь из карабинов ради бивней, годных на украшения.

Глядя на коров, жующих солнечно сияющие золотошары, я со скорбью и печалью думаю обо всех нас, все время жующих и поглощающих, и о короле Людовике тоже, о соловье, изжеванном кошкой. Думаю и

вспоминаю из прочитанного о матросах, что в Зимнем дворце жрали самогон из хрустальных ваз и, расстегнув брючные ремни, стояли в очередь, чтобы оправиться в малахитовые чаши, украшавшие, точнее венчавшие, дворцовую лестницу, - те чаши делали семьями уральские камнерезы, мастера-кудесники.

Глядя на корову, жующую цветы, явственно слышу новодержавных молодцов со свастиками, беснующихся пока еще на малочисленных сборищах. Они сулятся, что, как "придут, то дадут".

Никак до сих пор не могу отделаться от воспоминаний о соловье, изжеванном кошкой. Ей все равно, чего и кого жевать, - она песен не понимает...

Набат

ЯБЫЛ на рыбалке, на зимней, на уральской реке Кутамыш. Нахлебавшись чистого воздуха, уработавшись при долбежке и сверлении льда, едва приволок ноги в избу, где рыбаки, будто бойцы на фронте, спали вповалку, где кто упадет и втиснется меж телами.

Гнусавая и грязная хозяйка содержала избу более чем неопрятно, зато печь топила до обморочного градуса. Тараканы, не выдержав тяжелого, спертого духа и жары, равной разве мартену с металлургического завода, поротно высыпали на стену, умственно шевеля усами, соображали, где они находятся, среди любимого народа-кормильца иль по ту сторону добра и зла, где не вышпарят кипятком, не обсыпят навек усыпляющим порошком и птицы не склюют. Отдышаться на стене им было невмочь, и они опускались на пол, лезли к рыбакам под рубахи, шустро бегали по их лицам и всем членам.

Надо заметить, брала хозяйка за услуги цену соответствующую - двадцать копеек. Сразу упасть и уснуть я не мог даже на фронте, да еще и разуться мне надо непременно, по причине чего я несколько раз на войне драпал босиком по русским лесам, по украинским садам, по скошенным полям.

И вот лежу я в духоте, в темнотище, стиснутый рыбачьими телами, на грязном полу, зато разутый и раздетый. От неплотно прикрытой двери холодком тянет, свежей струей воздуха сердце радуется. Уснуть не могу - из-за врожденного натурального каприза иль привычки, да еще с вечеру чаю крепкого напился, и сну совсем хана.

Надо сказать, что сама хозяйка избы, которую рыбаки звали чухонкой, но она, не понимая обидного прозвища, никак не реагировала на это, спала на деревянной кровати, не просто скрипящей, но трещащей при малейшем шевелении тела так, будто сам земной шар повредился, треснул по всей окружности и начинал с оглушительным стоном и болью рассыпаться на куски.

Кроме кровати в избе были цветы по окнам и занавески-задержушки да потертая географическая карта мира во всю стену и серый пластмассовый брусок радио над кроватью, который громко говорил и пел ночью и днем. Цветы же на окнах сморились от множества окурков, в консервные банки засунутых, от ополосков чая, в них выливаемых, один только ванька-мокрый, приняв окурки за подкормку, остатки заварки чая обратив на пользу жизни, несмотря на жару, беспросветность и духоту, рьяно усыпал себя бесхитростными бордовыми цветками и засеивал опадью подоконник, на котором даже занавески завяли, висели на веревочке, будто солдатские портянки, рождая недоумение - к чему тут эта роскошь?

Любуясь неугомонным ванькой-мокрым, хозяйка матерно выражала свои теплые чувства по поводу растительного дива:

- О-гошь, раздурелся, ешштвую мать!

Ванька-мокрый и радио - вот, пожалуй, и все радости жизни, что остались в этой зачуханной избе.

ЛЕЖУ я, значит, во тьме, слушаю радио и планирую, как же мне до ветру сходить, не наступив ни на руку, ни на ногу, тем более на лицо рыбака, и в который уж раз досада меня берет, зачем Создателю взбрело в голову привинтить мужикам краник меж ног. Сколько с ним неудобств, хлопот и напастей. Лежал бы мужик и лежал себе на полу между рыбацких тел, так нет, надулся чаю и теперь вот пыхти, крепись...

Вдруг что-то переменялось в беспросветной ночи, забыл я про все на свете, и даже позывы до ветру во мне остановились. Радио над кроватью могучим, каким-то упругим, буревым голосом зывало:

- Л-люди мира, на минуту встаньте, слушайте, слушайте!..

Это было потрясающе-редкостное в наши дни, да и небывалое откровение иль явление искусства. Весь огромный и блистательный концерт прослушал я, затаившись во тьме, плача от восторга и укрепляющейся уверенности, что ничего, мы еще подержимся, мы еще поживем, мы еще...

Слышал я, в зале, где буйствовал мятежный певец, публика неистовствовала, кричала "бис", заставляла повторять почти каждую песню и арию по два-три раза, и ей, публике, долгожданный певец подарил восторг и надежду.

Вечером я приволокся домой с намерением не только похвастаться уловом, но и ночной радостью, а мне домашние в один голос: "Ты знаешь, какого певца мы вчера по телевизору смотрели. Потрясение!"

Он еще какое-то непродолжительное время "держал марку", блюл себя, берег голос и достойно свой репертуар пополнял, но певцу, как в балете, надо все время стоять у станка и "болтать ногами", стало быть, неустанно репетировать, совершенствовать свое мастерство. А чтобы стать великим певцом или художником, нужно сделать усилие, потом еще и еще усилие, и еще рывок вверх, еще сверхнапряжение - словом, работа, работа, работа. Она даже штангисту требуется, работа-то, совершенство-то, на одной дурацкой силе далеко не уедешь, одним, даже могучим голосом всех не переорешь, ногами, даже очень гибкими, всех не перетанцуешь.

Он стал мелькать на экране на разного рода "коллективах" - то на "Огоньке", то во Дворце съездов вставным номером в концерте, подавая невзыскательной публике "сладкое", какую-нибудь таежно-молодежную иль развесело-свадебную, перестал чураться комсомольского репертуара, удало тешил "страсть" народную исполнением про куму и судака.

Потом надолго исчез вовсе. Появился, будто окунь в лунке из-под льда, весь в нарядных перьях, полосатый, волосатый, колючки светятся серебром, рыльце лоснится, подбородочек барски от хорошего корма накупел, манеры вальяжные, улыбка ослепительная. За белым роялем в кремовом костюме сидит, что-то нежненькое про любовь мурлычет. На рояле свежие розы с капельками росы, притененный свет свечей бездыханен, гость наряжен, прилизан, бриллианты на перстах показывает - современная аристократия с дорогими хрустальными бокалами в руках, труда не знавших, - вежливенько отпивает маленькими глоточками вино, томные дамы и томные денди родом из рязанских и пошехонских поселений одобрительно головками кивают: каков, мол, наш-то певец - вписывается в избранное общество, поет только для нас, снисходит до избранной салонной публики, а мы - до него.

ЕМУ Богом дано было миром владеть, небеса сотрясать, души наши изболевшие искусством своим врачевать, надежду людям дарить. А он, полюбив ленивую роскошную жизнь, мурлычет что-то ранешное, великосветское, далекий от тревог и забот земных, сладкое возлюбив, трудами себя не надсаждая, живет собой и для себя. И поет для себя, не понимая, что комнатное искусство подобно смерти.

Н-но, но всякий дар, в том числе и певческий, находится в сфере божественной. И кто певца осудит? Поднимите руки!

Он вам на это врежет словами современного поэта-эмигранта, когда-то призывавшего коммунистов вперед: "Я в вашем пионеротряде, товарищи, не состою". И при сем еще слово "пионер" манерно исказит - "пионэр" - скажет. И что ты ему сделаешь? В партбюро потащишь? Но он в партии никогда никакой не состоял и не состоит. В чем ты его упрекнешь? И какое твое собачье дело? Как грубо говорится в нашем народе.

Распоряжаться самим собой и своим талантом, как тебе хочется, - это ведь тоже умение, нам, послушным советским рабам, непривычное, да и дара, которому можно завидовать и восхищаться, нам не дано.

Я лично благодарен певцу за то, что он однажды потряс меня, одарив счастьем соприкосновения с прекрасным, а что не совладал со своим талантом, так не нашего ума тут дело. Талант - это сила. И сила могучая, мучительная к тому же, и не всегда талант попадает в тару, ему соответствующую, иную тару огромный талант рвет, будто селедочную бочку, в щепу, в иной таре задыхается, прокисает.